

ЭКС Стефан

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ «ГЛОБАЛЬНОСТИ ПСИХИКИ»*

DOI: <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2021-1-21/08>

Ссылка при цитировании:

Экс С. (2021) Медицинская антропология «глобальности психики». *Медицинская антропология и биоэтика*, 1 (21).

Стефан Экс –

PhD,
преподаватель и директор аспирантуры
Школы социальных и политических наук
Эдинбургского университета
(Эдинбург, Великобритания)

E-mail: Stefan.Ecks@ed.ac.uk

---

* *Статья публикуется по лицензии CC BY 4.0. Статья опубликована: <https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/toc/15481387/2020/34/1>*

Ключевые слова: медицинская антропология, психологическая антропология, глобальность, глобальное здравоохранение, психическое здоровье, Платон, Хабермас

Аннотация: Это статья была впервые опубликована в журнале «Medical anthropology quarterly» в качестве редакционного послесловия к специальному выпуску по теме «Глобальность психики» (The global psyche). В этом тексте медицинский антрополог Стефан Экс представляет критический разбор основных статей выпуска, а также дает теоретический комментарий о концепте глобальности и возможных его приложениях в рамках медицинской антропологии. Среди прочих, автор ставит вопросы о том, какие глобальные – культурные, политические, технологические, биологические, экологические – процессы лежат в основе объективации психического здоровья в мировых масштабах и какие новые системы знания и культурные проекты рождаются в этих приложениях?

Вступительный комментарий переводчика

Это эссе Стефана Экса – шотландского антрополога и основателя первой в Шотландии самостоятельной программы по медицинской антропологии – является комментарием к специальному выпуску журнала «Medical anthropology quarterly» (номер 1 за 2020) по теме «Глобальность психики» (The global psyche). Ценность этого текста заключается не только в обзоре основных статей тематического выпуска, но и в оригинальном теоретическом комментарии на феномен «глобальности» (global). Перевод англоязычного понятия global на русский язык представляется непростой задачей. Global – концепт, подчеркивающий не столько универсальность и повсеместную распространенность, сколько феномен обусловленности того или иного явления комплексом глобальных факторов: географических, экологических, социальных, геополитических, биологических, технологических и пр. Изучая проблематику психической жизни в разных уголках света, антропологи не могут не быть вовлечены в контекст актуальных дискуссий, ведущихся в рамках т.н. глобального здравоохранения (global health) в общем, и глобального психического здоровья в частности. Как практика и политика могут быть выверены наилучшим образом с учетом специфики злокачественного психологического дистресса, с которым сталкиваются разные социально-уязвимые группы населения в мире? Медицинская антропология вносит сюда свою оригинальную перспективу и ставит вопрос о масштабах, разнообразии и спорности утверждений о психической жизни, не сводимых исключительно к конкретным ассамбляжам, вроде глобального психического здоровья, глобализации западной психиатрии или транснациональной психофармакологии. Поскольку эти ассамбляжи распространяются по миру, трансформируются и оседают в различных условиях, они взаимодействуют с гораздо более обширными системами управления, социального включения и исключения, формирования идентификаций. Какие культурные и политические процессы лежат в основе объективации психического здоровья в глобальных масштабах? Какие новые эпистемы и культурные проекты рождаются в этих разнообразных приложениях? Применение оптики глобальности в области психологической антропологии – сравнительно новое начинание. Я надеюсь, читателям будет полезно с ним познакомиться.

Медицинская антропология «глобальности психики» (global psyche) может показаться странноватым проектом. Существует ли

одна психика, пронизывающая целый мир? В своем введении в этот тематический выпуск Доминик Бехаг и Кеннет Маклиш отмахиваются от любых попыток представить глобальность (*global*) или психику как некоторые сущности, которые можно рассматривать субстантивно (Behague, Macleish 2020). Ни психика, ни глобальный мир (*globe*) не являются стабильными точками отсчета. Это не имена сущностей. Наоборот, глобальная психика – это «концепт, эра, программа, эпистема, которая заслуживает тщательного анализа» (Ibid.). Существуют многочисленные силы – «политические, технологические, нейробиологические, экологические», которые переопределяют, чем может быть глобальность или психика.

Чтобы антропология могла описать психику как глобальное, необходимо теоретизировать, чем является психика, и как она связана с внешней средой, и с другими психиками. Но нам тяжело это сделать. Наш концептуальный язык едва ли позволяет это. В социальных науках существуют недавние попытки посмотреть на психику вне рамок индивидуального мозга. Эллиот возвращается к понятию «настроения» (*Stimmung*) Гердера как аффекта и среды (Elliot 2011). Цветкович говорит о депрессии как об «общественном чувстве» (Cvetkovich 2012). Роза концептуализирует психическое заболевание как расстроенный «резонанс» между индивидами и миром (Rosa 2016).

Глобальность психики когда-то была ключевой идеей в философии. В древнегреческой мысли вселенная представляла собой живое тело с единой мировой психе (*ψυχή* как «душа», «дыхание жизни» или «жизнь»), пронизывающей его. Эта глобальная психика поддерживала порядок космоса, отделяя хаос от формы. В «Тимее» Платона вселенная описывается как «живое существо, которое призвано заключить в себе все живые существа» (Plato 1952: 33). Форма этого живого всего – сфера, «которая из всех форм является самой совершенной и самой самоподобной» (Ibid.: 33). Это космическое существо – «одно видимое животное, заключающее в себе всех других животных родственной природы» (Ibid.: 30). В его центре, и «рассеянная повсюду» (Ibid.: 33), находится глобальная психика. Психика – это «лучшее из сотворенного», поскольку она состоит из вечной сущности (*everlasting essence*) и «причастна разуму и гармонии» (Ibid.: 37). Космическая психика «всеобща», поскольку «простирается повсюду» и «имеет форму округлой сферы».

Идея об общемировой психике сейчас кажется домодерной фантазией. Думать о мире как о максимально развернутом космическом животном – кажется безумно ненаучным. Гастон Башляр (Bachelard 1967: 5) назвал бы этот «наивный реализм пространственных свойств» еще одним примером эпистемической помехи, которую необходимо преодолеть научной объективностью. С XVII века ученые начали описывать психику как эмерджентное состояние, локализованное в человеческой анатомии индивида, в частности, в сферической массе нервных клеток и кровеносных сосудов, называемой мозгом (Zimmer 2005). Мозг стал замкнутой системой нервного возбуждения, которая реагирует на сенсорные раздражители только на своих собственных условиях. Психика, пронизывающая материю за пределами индивидуального тела, стала абсурдным предположением. *Глобальность психики* сегодня – это статья в борхесовской энциклопедии¹ невозможных существ. Она порождает чувство инаковости, «суровой невозможности думать так» (Foucault 2005). Но есть некоторые преимущества в том, чтобы достать концепт глобальной психики из мусорной корзины отброшенных идей. Среди них то, что он напоминает нам об исторической обусловленности представления, что психика может быть достоянием исключительно лишь обособленного индивидуального мозга.

Древнегреческая концепция глобальной психики неожиданно появляется во влиятельной работе Юргена Хабермаса «Знание и интересы» (Habermas 1971). Хабермас обсуждает глобальную психику Платона как одну из основ раскола между теорией и практикой. Платон и большинство философов вплоть до XIX века выступали за разделение между совершенной формой, с одной стороны, и изменчивой и тленной материальностью – с другой. Действительно реальной для Платона является только абстрактная идея. Видимый мир – это всего лишь «то, что всегда пребывает в становлении и никогда не становится» (Plato 1952: 27). Хабермас обнаруживает преемственность между современным научным позитивизмом и греческой онтологией: «оба привержены теоретической установке, которая освобождает тех, кто ее принимает, от догматической связи с естественными интересами жизни и их раздражающего влияния; и оба разделяют космологическое намерение теоретически описать вселенную в ее законоподобном порядке, такой, какая она есть» (Habermas 1971: 303). Подобный позитивизм проникает и в социальные науки, примером чему служит концепция ценности–свободы (*value–freedom*). Социальные

исследователи призваны описывать грамматику социального действия. Они не должны позволять своим собственным интересам затуманить их анализ.

Для Хабермаса свобода–ценность – это форма псевдообъективности, которая скрывает «интересы, конституирующие знание» (Ibid.: 308). В действительности все науки оценивают. Хабермас выделяет три основные ценности, которые мотивируют научные исследования: понимание, контроль и освобождение (*emancipating*). Понимание направлено на другие умы и основывается на герменевтике. Контроль над миром основан на дедуктивных и эмпирических исследованиях. Намерение освободить проявляется в различных формах: осознание неравенства или освобождение от уз и ограничений. Критическая теория направлена на эмансипацию. Три типа ценностей Хабермаса отражены в основных направлениях медицинской антропологии: понимание – цель герменевтических подходов; контроль – цель прикладных и ориентированных на политику (*policy-oriented*) исследований; освобождение мотивирует критическую медицинскую антропологию. Это интересы исследователей. Когда антропологи заглядывают через плечо другим экспертам, возникает еще один слой интересов. Для экспертов важны понимание, контроль или освобождение?

Интересы Хабермаса помогают нам увидеть множество связей между материалами этого специального выпуска. Все авторы пытаются понять, что движет действиями других людей. Во всех статьях эти люди являются своего рода экспертами в области «пси»² (*psy experts*). Эти эксперты либо пытаются контролировать мир, либо стремятся к освобождению – для себя или для других. Науки «пси» колеблются между контролем и освобождением: «психиатрические ярлыки и дискурсы используются как инструменты управления перед лицом насилия и беспорядка, но также как средства недовольства и возмездия для социальных и политических движений» (Véhaque, MacLeish 2020).

Статьи Маргарет Лок, Дзюнко Китанака, Джослин Шуа и Ханны Кинцлер наиболее четко фокусируются на контроле и границах контроля. Лок показывает, опираясь на обширный ряд медицинских, биологических и экологических исследований, насколько плачевным стало состояние здоровья мира. На карту поставлено выживание самого человечества. Все токсины и загрязняющие вещества, распространяющиеся в воде, воздухе и земле, отказываются оставаться вне живых организмов. Они просачиваются внутрь и разрушают здоро-

вье на всех уровнях. После открытия эпигенетики нагрузку, вызванную окружающей средой, стало возможно измерить на генетическом уровне. Токсины окружающей среды становятся нейротоксинами. Далее Лок утверждает, что социально-экономическое неравенство представляет собой «самую губительную форму токсичной окружающей среды» (Lock 2020). Она считает, что технократическое стремление к контролю привело к потере контроля. В своем стремлении сделать жизнь лучше технокapитализм перестарался. Темная диалектика сциентистского контроля – это полная потеря контроля.

Деменция – это состояние, характеризующееся потерей контроля над собственным мышлением, чувствами и движениями. Страдающее Я теряет контроль над собой, а ухаживающие за больным теряют контроль над страдальцем. Люди становятся «несоизмеримыми» для себя и других. Дзюно Китанака в своем докладе прослеживает отношение к деменции в Японии сегодня. Она обнаружила сильный сдвиг в сторону «нейробиологизации» деменции с 2000-х годов, в результате чего японцы «вовлечены в новый уровень нейробиологического/нейропсихологического вмешательства в повседневную жизнь, охватывающий весь жизненный цикл» (Kitanaka 2020). Это влечение получить контроль над деменцией характерно не только для биомедицинских специалистов. Как люди, живущие с деменцией, так и их опекуны находят некоторое облегчение в нейропсихиатрической диагностике и навешивании ярлыков. Сканирование мозга стало основой нового самопонимания. Китанака приводит слова Сократа о том, что «неисследованная жизнь не стоит того, чтобы жить» (Plato 1952: 38). В Японии жизнь является «неисследованной» до тех пор, пока ее не исследуют нейронауки: «томограмма становится обязательным условием для того, чтобы жить «исследованной жизнью»» (Kitanaka 2020). Но все попытки контролировать дегенерацию мозга и его функций ограничены. В какой-то момент кажется, что лучше «носить ярлык» страдающего деменцией, чем бороться с ней (Ibid.).

Джослин Шуа также исследует, как фрустрируется стремление к контролю. Ее этнография изменения позиции американских военных в отношении потребления солдатами психотропных лекарств показывает, что так называемые тотальные институты борются за контроль, как над тем, что происходит внутри них, так и над тем, что происходит за их пределами. Американские военные хотят контролировать, какие психотропные вещества принимают их солдаты. В идеале все

военнослужащие должны быть в отличном психическом состоянии, без каких-либо «пороков гражданских лиц и гражданской культуры: душевной слабости, нетерпимости к боли и страданиям, потакания своим капризам и желания немедленного удовлетворения» (Chua 2020). Однако военные должны признать, что многие солдаты получают лекарства в гражданском секторе и берут их с собой в армию; что солдаты получают (избыточные) лекарства от армейских врачей, которые не должны этого делать; или что солдаты получают психотропы через неформальный рыночный обмен с другими солдатами. «Расползание лекарств» (*pharmaceutical creep*) происходит во многих направлениях, и Шуа ведет хронику попыток военных сдержать его. Внедрение веществ мотивируется желанием улучшить боевую форму. По иронии, и высшее военное руководство, и отдельные солдаты преследуют одну и ту же цель: улучшить боевую форму путем контролируемого употребления лекарств. Луис, один из солдат, которого цитирует Шуа, рассказывает, как сержант снабжает его регулярными дозами стимулятора «Аддерол»³. Это против правил, но сержант делает это для улучшения боевой подготовки. Луис согласен с тем, что начальник «спасает мне жизнь этими препаратами» (Ibid.).

Пока Шуа изучает психику военнослужащих, Ханна Кинцлер рассматривает постконфликтную психотерапию для гражданских лиц. Пси-сциентистская логика «глобального психического здоровья» выглядит обманчиво просто: конфликт порождает психологические проблемы. Эти проблемы прекрасно описываются стандартной диагностикой и поддаются лечению с помощью фармакологических и нефармакологических вмешательств. Вмешательства, разработанные евро-американскими науками «пси», готовы к «развертыванию» по всему миру. Психику любого человека можно вернуть под контроль. Однако, как показывает Кинцлер в своей этнографии психотерапевтов в Косово, у этой логики есть ограничения. Психосоциальные вмешательства не могут быть так легко развернуты в местах, где нет прочной инфраструктуры в области медицины и социального обеспечения. Косовские психотерапевты Кинцлера попадают меж двух огней: с одной стороны, они должны лечить своих пациентов. С другой стороны, они понимают, что условия жизни пациентов настолько тяжелы, что простые вмешательства бесполезны. Терапевты пытаются восстановить контроль, сводя все проблемы к психологической травме, связанной с конфликтом. Такой редукционизм позволяет им

остановиться на «раздаче плацебо, более или менее полезных жизненных советов и направлении женщин в зачастую нефункциональные социальные службы» (Kienzler 2020).

Как отказ от контроля может стать актом эмансипации – тема исследования Кристианы Джордано о лицах, ищущих убежища на юге Италии. Ситуация с беженцами – это стечение множества кризисов. В странах, откуда родом беженцы, существуют военный и экономический кризисы. В свою очередь, приток иммигрантов представляет собой кризис для тех стран, куда они прибывают. Из-за протяженного средиземноморского побережья и близости к Северной Африке и Ближнему Востоку Италия является одной из стран, принимающих огромное количество беженцев. Все эти кризисы являются формой потери контроля. Обычная реакция на них – попытка восстановить контроль. Джордано обнаруживает, что существует и другой способ справиться с кризисами: отказ признать их. Джордано рассказывает историю беженца по имени Виктор, который отказывается делать рисунки о своем «беженском опыте». Причины отказа Виктора никогда не становятся ясными: он «предпочитает отказать». Виктор напоминает Джордано героя Мельвилля – клерка Бартлби⁴, который досаждал всем, мягко отказываясь делать то, что должен. Виктор не переписывает грамматику кризиса, но он прерывает ее на короткое мгновение. Непризнание кризиса – это (возможно) акт освобождения.

Поиск освобождения наиболее ярко выражен в статье Шона Бразертонна о лакановском психоанализе в Аргентине. Эта южноамериканская страна, по его описанию, является примером хронических политических и экономических кризисов. Собеседники Бразертонна ищут утешение от кризисов в психоанализе. Фрейдизм имеет глубокие корни в Аргентине. Лакановская версия⁵ набирает обороты с 1970-х годов, возможно потому, что она пересекается с марксистской теорией и лучше удовлетворяет потребность в критическом анализе, чем классический фрейдизм (Stavrakakis 2002). Однако сам по себе психоанализ плохо приспособлен для осмысления социально-политических кризисов. Кроме того, высокие цены оставляют психоанализ практикой экономической элиты для экономической элиты. И все же аргентинские собеседники⁶ Бразертонна находят в психоанализе язык освобождения. Лакановский анализ предоставляет «грамматику», которая позволяет людям артикулировать свои страдания и их «желание жить лучше» (Brotherton 2020). Бразертон показывает, что в психоа-

нализе присутствует та же дуальность контроля и освобождения, что и в биомедицинской психиатрии. Он стремится сделать внутреннее Я «читаемым» и поддающимся психотерапевтическому вмешательству, и в то же время он хочет дать понимание (инсайт), облегчение и освобождение. Однако, как и в биологической психиатрии, освобождение остается аполитичным: «знание о себе» (*autococnocimiento*), полученное с помощью лакановского анализа, ограничивается тем, что помогает внутренней психике более спокойно реагировать на внешние кризисы.

Все авторы отвечают на глобальное распространение пси-научной экспертности. Такие диагнозы как деменция, депрессия или посттравматическое стрессовое расстройство, распространились по всему миру. Лечение, как фармакологическое, так и нефармакологическое, доступно во всех частях света. Диагнозы и методы лечения вышли из-под контроля наук спектра «пси» (Ecks 2013). В свою очередь, существует глобальная связь между различными причинами психических страданий. Войны, насилие, экономический крах и разрушение окружающей среды достигли глобальных масштабов. Восстановление контроля над этой ситуацией кажется невозможным. Психика не может найти легкий путь к освобождению, потому что нет вменяемого внешнего, к которому можно было бы обратиться. Хабермас выбрал глобальную психику Платона как предтечу бесценностного позитивизма в науке. Но есть и другая сторона идеи Платона, которая заключается в том, что она ставит под сомнение индивидуализацию и материалистический редукционизм пси-наук. Греческое представление о глобальной психике было эпистемической помехой на пути технонаучного засилья, но помехой недостаточной.

Перевод, аннотация и ключевые слова Иннокентия Мартынова.

Примечания переводчика

¹ Имеется в виду книга аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса «Книга вымышленных существ» (*El libro de los seres imaginarios*). В ней писатель приводит краткие описания разных вымышленных существ, от фольклорных чудовищ до предметов мысленных экспериментов философов. Книга Борхеса представляет собой художественную «игру» автора с формой энциклопедии.

² Область «пси» – дисциплины, чья деятельность лежит в области работы с психическим: психиатрия, психоанализ, психология, психотерапия, психосоциальная работа.

³ «Аддерол» (Adderall) – лекарственный препарат, психостимулятор, содержащий в равных долях четыре соли амфетамина. Применяется в психиатрии некоторых стран для лечения СДВГ (синдрома дефицита внимания и гиперактивности) и нарколепсии.

⁴ Имеется в виду рассказ американского писателя Германа Мелльвилля «Писец Бартлби: Уолл-стритская повесть». На просьбы что-то сделать Бартлби отвечает: «Я бы предпочел отказаться».

⁵ Вслед за самим Жаком Лаканом, называвшим себя «фрейдистом», лакановский психоанализ принято также именовать «(современным) фрейдизмом».

⁶ В западной антропологии происходит постепенный отказ от понятия «информанта» как эксперта-носителя некоторого внутреннего знания и от понятия «респондента» как пассивизирующего субъекта в пользу понятия «собеседника» (*interlocutor*) как со-производителя антропологического знания.

Библиография

Bachelard, G. (1967) *La Formation de l'esprit Scientifique: Contribution à une Psychanalyse de la Connaissance Objective*, Librairie philosophique J. Vrin.

Béhague, D. P., MacLeish, K. (2020) The Global Psyche: Experiments in the Ethics and Politics of Mental Life, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 5–20.

Brotherton, P.S. (2020) Armed against Unhappiness: Psychoanalytic Grammars in Buenos Aires, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 99–118.

Cvetkovich, A. (2012) *Depression: A Public Feeling*, Durham: Duke University Press.

Ecks, S. (2013) *Eating Drugs: Psychopharmaceutical Pluralism in India*, New York: NYU Press.

Elliott, C. (2011) Enhancement Technologies and the Modern Self, *Journal of Medicine and Philosophy*, Vol. 36, p. 364–374.

Foucault, M. (2005) *The Order of Things*, London: Routledge.

Habermas, J. (1971) *Knowledge and Human Interest*, Boston: Beacon Press.

Kienzler, H. (2020) “Making Patients” in Postwar and Resource-scarce Settings. Diagnosing and Treating Mental Illness in Postwar Kosovo, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 59–76.

Kitanaka, J. (2020) In the Mind of Dementia: Neurobiological Empathy, Incommensurability, and the Dementia Tojisha Movement in Japan, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 119–135.

Lim Chua, J. (2020) Pharmaceutical Creep: US Military Power and the Global and Transnational Mobility of Psychopharmaceuticals, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 41–58.

Lock, M. (2020) Toxic environments and the embedded psyche, *Medical anthropology quarterly*, Vol. 34(1), p. 21–40.

Plato (1952) *The Dialogues of Plato*, Chicago: Encyclopedia Britannica.

Rosa, H. (2016) *Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung*, Frankfurt: Suhrkamp.

Stavrakakis, Y. (2002) *Lacan and the Political*, London: Routledge.

Zimmer, C. (2005) *Soul Made Flesh: The Discovery of the Brain, and How It Changed the World*, New York: Simon and Schuster.

© МАиБ, 2021

© Экс С., 2021

Аннотацию, ключевые слова и сведения об авторе на английском языке см. на с. 308 в номере журнала, DOI: 10.33876/2224-9680/2021-1-21